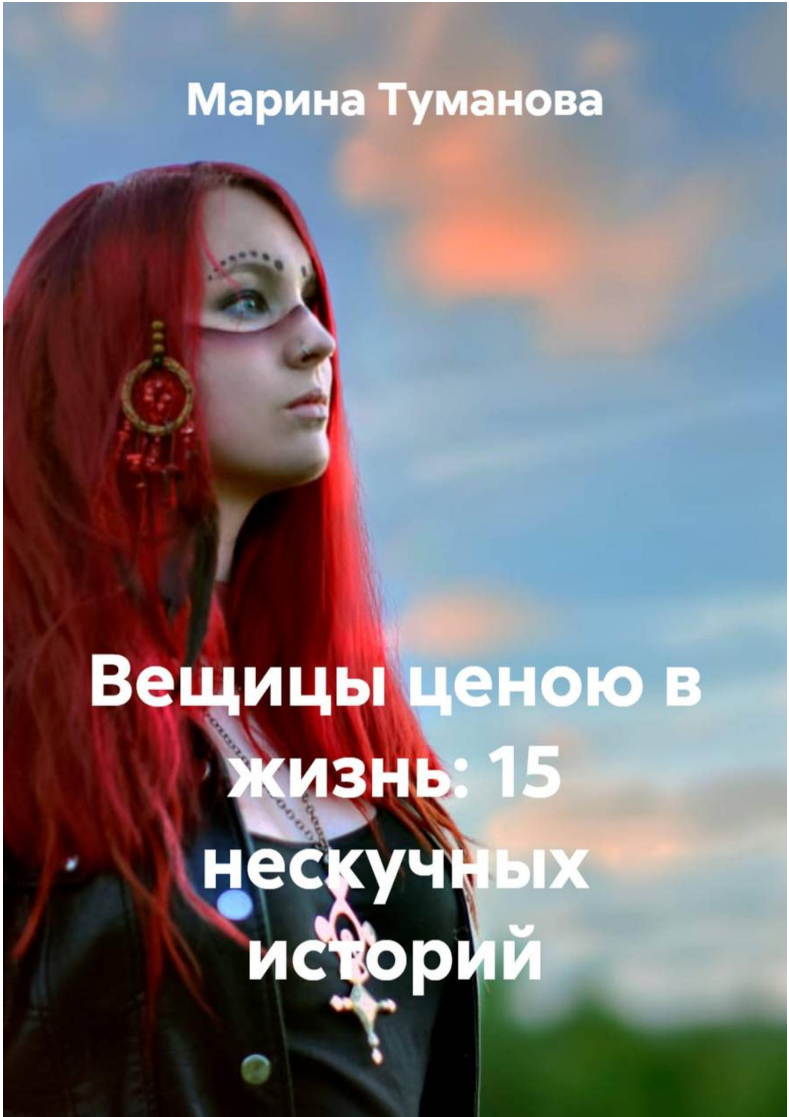
Марина Туманова
Вещицы ценою в жизнь: 15 нескучных историй

Марина Туманова

Вещицы ценою в жизнь: 15 нескучных историй

https://litres.ru/74965702
SelfPub; 2026

Аннотация

От каких пустячных штуковин порой зависит судьба, с ума сойти. Прозрачный кусок минерала с перепелиное яйцо убивает не хуже острого меча. Кусок бумаги, испачканный чернилами, легко комкает и губит вполне устроенную жизнь. Даже обычная эмалированная кружка или изящный шелковый шарфик находят себе жертв среди беспечного людского поголовья. Его величество Случай превращает безобидные вещицы в опасные орудия; чуть зазеваешься – пропал.

Моя следующая коллекция из 15-ти историй вылетает к вам очищенной от вымыслов и мистики, в ореоле фактов, во всей красе напряженных интриг, стремительных авантюр, смеха, слез и дивных совпадений, на которые так богата жизнь. Ловите, надеюсь, не зря старалась.

Марина Туманова
Вещицы ценою в жизнь: 15 нескучных историй

1. ОТДАЙ ПЕРСТЕНЬ, НОННИЙ!

Смертельно опасно богатому гражданину жить в Древнем Риме образца 43 года до н.э. Власть захватил триумвират: умненький юный племянник недавно убитого Цезаря Гай Октавий, заурядный конформист Марк Эмилий Лепид и Марк Антоний – пьяница, интриган, алчный до чужих сокровищ. Каждому понятно, что заправляет триумвирами последний – 40-летний выскочка-плебей, любимец покойного Цезаря; Антоний отличился в военных кампаниях, его обожают легионеры, на их плечах он когда-нибудь заберется на самый верх и начнет править Римом единолично… Однако это – мечты, а пока легионы нужно сытно кормить, чтоб не разбежались. В казне же, как назло, шаром покати.

40 лет назад диктатор Сулла нашел гениальное решение проблемы: он пополнил римские, заодно собственные закрома быстро и эффективно – настрочил проскрипционные списки. Это были такие восковые таблички с фамилиями тех, кого Сулла вздумал объявить «врагами республики»; во «враги» попали главным образом богачи. Списки вывешивали на форуме едва ли не каждый день. И каждый день го-

родская знать и прочие толстосумы, цепенея от ужаса, плелись на главную площадь, чтобы узнать свою участь. Страшная лотерея. Марсово поле у стен Рима Сулла превратил в «пыточную»; пока там стонали обреченные на истязания и смерть жертвы, их земли и имущество перетекали к новым хозяевам, сплошь преданным диктатору людям. За пару лет снесли несколько тысяч голов, детей и внуков казненных лишили гражданских прав – кто еще готов пикнуть против Суллы? Поредевший сенат испуганно молчал.

Марк Антоний крепко задумался: а не повторить ли ему репрессии Суллы? Врагов кругом тьма, богачей тоже, многие из них, кстати, сочувствуют Бруту и Кассию, чертовым убийцам великого Цезаря. А если не сочувствуют, то просто богаты и тем уже виновны перед триумвирами. Итак, за дело. Перво-наперво проскрипции следует узаконить – времена произвола миновали, чай, мы не диктаторы какие, свято чтим римское право. На сходах куриатных комиций *(так называли собрания патрициев – МТ)* утвердим новые меры, а там и списки подготовим.

Послушные комиции дают триумвирам необходимые полномочия *«для устройства государственных дел».* То есть, новый террор одобрен. У Марка Антония руки зудят – так хочется вписать в проскрипции имя оратора Марка Туллия Цицерона, по голове которого давно меч плачет; Цицерон посмел публично обвинить Антония в злодеяниях да вдобавок сделал это так красноречиво, что плебс задумался. А

думать плебсу вредно. В общем, Антоний уже схватился за стило, чтобы вписать в табличку имя оратора, однако сопляк Гай Октавий подал голос в защиту Цицерона. Ладно, уступим ему пока; кого там еще пора раскулачивать? Антоний знает, кого.

С некоторых пор ему не дает покоя сенатор Нонний; то есть не сам Нонний, гражданин вполне мирного толка, а его роскошный перстень с опалом. Камень дивный – молочно-белый, то отсвечивает пурпуром, подобно огню, в который подлито масло, то зеленью, подобно водам морским. Впрочем, Марк Антоний, конечно, не поэт, он просто ослеп, раз взглянув на тот перстень, а потом оценил его как торгаш: кругляш опала крупный, размером не меньше лесного ореха, и денег стоит бешеных. Два миллиона сестерциев. Носить такие деньжищи на пальце – верх мечтаний Антония. Ну, это если не считать власти над Римом…

Триумвир по-плебейски чешет репу, соображает: что с того, что Нонний – политик умеренных взглядов? Был бы человек, а вина найдется. И недрогнувшей рукой Антоний вписывает имя Нонния в свежий список проскрибированных. Вместе с тем обреченному сенатору прозрачно намекают: отдашь добровольно опал – так и быть, останешься цел. Так отдай же свой перстень, Нонний!

Ага, сейчас. Нонний оказался парнем упертым, потакать хотелкам Антония не пожелал. Взял да пустился в бега, прихватив из всего своего немалого имущества один-единствен-

ный перстень с опалом. На-ка выкуси, Марк! Лучше скитаться по чужим землям, вдали от дома и родных, терпеть голод-холод-лишения, чем тешить твое больное эго. *«Необычна жестокость и страсть к роскоши у Антония, проскрибировавшего из-за перстня, но не менее необычно упорство Нонния, увлеченного причиной своей проскрипции»*, - оставил нам свою оценку тех событий Плиний Старший.

Марк Антоний все же докопается до великого Цицерона, тому отсекут его умную голову. Сам триумвир, насладившись властью и Клеопатрой, покончит с собой спустя 13 лет, перед тем позорно дунув от Октавия и Агриппы в ходе морского сражения при мысе Акций. Что стало с сенатором Нонием и его перстнем, неизвестно.

Зато легендарный камушек втащил своего хозяина в историю; что ж, лучше так, чем никак, верно?

2. РОКОВОЕ КОЛЕЧКО ГОНОРИИ

… Евнух Гиацинт, с дрожью в коленках и едва живой от ужаса, стоял перед вождем гуннов. Принесла его нелегкая в стан варваров этим жутким днем 449 года! Но надо исполнять миссию. С поклоном Гиацинт протянул Аттиле перстень с крупным камнем. Косматый вождь ухмыльнулся: красивая вещь, недешевая. Оно и понятно: кольцо Аттиле передает сама принцесса Гонория, сестра императора Западной Римской империи Валентиниана. Что ли совсем худо августейшей даме, раз решила просить о чем-то дикого воина степей?

Кивком Аттила приободряет струхнувшего посланца Рима: говори, тебя слушают. Гиацинт открывает рот и, не смея глядеть в глубоко сидящие глаза свирепого гунна, излагает просьбу Гонории. Во-первых, посылая перстень, та желает подтвердить ее личность: мол, в самом деле это она, августа Гонория, а не какая-то прохиндейка, обращается к высокочтимому вождю. Во-вторых, она нуждается в его защите - ее брат-император намерен выдать сестру замуж за пожилого сенатора Геркулана, она же очень против. Евнух еще мямлит заключительные фразы, а в мозгу Аттилы уже работают извилины: ну, про подтверждение личности она кому другому может втирать, а для него тайный смысл подарка ясен – Гонория прямо намекает на то, что готова замуж выйти за него, Аттилу, так-то. Вождь приосанивается: он еще не стар, в бороде едва седина серебрится и сил для любви невпроворот. А еще он привык действовать дерзко, напористо; эта тактика и сейчас подойдет как нельзя лучше. Потому что на кону – вся западная часть Римской империи.

Так что пусть он варвар и дикарь, но даме в просьбе не откажет.

… Император Валентиниан не особо дружен со своей сестрицей Юстой Гратой Гонорией; та пошла нравом в их мать, легендарную Галлу Плацидию, такая же упертая, властная. И вызывающе красивая. *«Когда его сестра стоит рядом с ним, она подобно луне озарена светом солнца»,* - льстит владыке Рима придворный поэт Меробавд, но, сравнивая Го-

норию с луной, преувеличивает не слишком. И Валентиниану тревожно. Надо бы сплавить Юсту Грату, как когда-то сплавили Галлу, за степенного, преданного человека, что не посмеет сбрасывать его, императора, с трона. Кстати, их мамаша Плацидия все еще живет, здравствует и не скучает в обществе угрюмых вестготов, которых приволокла с собой из Галлии: когда-то Плацидия была их королевой, ее увезли в готском обозе как пленницу, а король Атаульф взял римлянку в жены. Потом Атаульфа убили, Галлу вернули в Рим и выдали почти насильно за верного престолу вояку Констанция, папашу Гонории и Валентиниана.

Сейчас Гонории уже за 30. Ей долго подыскивали мужа – принцесса все ж, абы за кого не выдашь. И так проволынили, что потерявшая терпение Юста Грата упала в объятья чиновника Евгения. Связь вскрылась, беднягу Евгения казнили, а Гонорию спешно сосватали за старикана Геркулана. Тут принцесса возьми да взбрыкни: не хочу - и точка! Раз ей собираются устроить пакость, почему бы не взять пример с мамы Галлы? Не привлечь на свою сторону свирепых варваров, при упоминании о которых у братца Валентиниана поджилки трясутся? Решено – Юста Грата пошлет к могучему воину Аттиле евнуха Гиацинта, а с ним – просьбу о помощи.

Вряд ли мама Плацидия пришла в восторг от идеи дочери. Хотя заступилась за нее, когда разъяренный император, узнав о контактах сестры с врагом, пожелал лишить предательницу головы, вслед за ее посланцем евнухом, которого

пытали и казнили. О-хо-хо, где мои тридцать! – думала, вероятно, женщина-легенда, гладя по голове свою непутевую Гонорию: уж я устроила бы все по-хитрому да с гарантиями.

Ну а Аттила в поход собрался. Перед тем отправил гонцов к императору в Равенну, с простыми, ясными требованиями: уступить Гонории часть властных полномочий, лично ему отдать половину империи, поскольку он женится на принцессе – вон, та и колечко Аттиле прислала, обручальное, между прочим. Губу гунн раскатал, прекрасно понимая, что его наглый вызов останется без ответа. А ему не нужен ответ – нужен повод для войны.

Тут война и началась. В 451 году вождь гуннов, уже покоривший земли от Рейна до Волги, двинул на римскую Галлию. Снова победа за победой: пали Мерц, Кельн, Реймс, вот-вот падет Аврелиан (будущий Орлеан). Однако у Валентиниана нашелся суперполководец Флавий Аэций, под его командой римляне, с помощью тулузских вестготов, обратили в бегство орду Аттилы в битве на Каталаунских полях. Но гунн не пал духом и через год вторгся на север Италии: разорены Аквилея, Верона, Медиолан. И снова – отдайте мне мою Гонорию! По словам историка Иордана, Аттила угрожал *«нанести Италии еще более тяжкие бедствия»*. Юсты Граты к тому времени, возможно, уже и в живых не было: источники больше о ней не упоминают. А Риму крупно повезло: «бич божий» Аттила в 453 году загадочно скончался,

после свадьбы и брачной ночи с девушкой Ильдико. Amen!

Спустя пару лет примером Гонории вдохновится Евдоксия, вдова убитого императора Валентиниана. Ее против воли выдадут за нового владыку Рима Максима, а она попросит защиты у короля вандалов Гейзериха. Тот, в отличие от Аттилы, до Рима доберется…

Совсем распоясались эти знатные римлянки в эпоху упадка империи.

3. МОДНЫЕ КОШЕЛИ ОТ КОРОЛЕВЫ ИЗАБЕЛЛЫ

В 1313-м году король Франции Филипп IV Красивый принимал гостей из Англии – свою дочь королеву Изабеллу и ее супруга, короля Эдуарда II. Изабелла не была дома пять лет, с тех пор, как ее 13-летней выдали за молодого монарха, едва севшего на престол Англии. Замужество девушку печалило; 23-летний Эдуард, конечно, парень хоть куда, но чаще коротал время не с женой, а с фаворитом Пирсом Гавестоном *(до сих пор спорят, делили юноши ложе или это досужие сплетни – МТ)*. Так или иначе, королева изнывала от тоски и желаний, жалуясь на благоверного отцу в Париж; Филипп Красивый, по описаниям хронистов существо черствое, дочери все ж внимал и в письмах к зятю настойчиво напоминал тому о супружеском долге. Эдуард тестя побаивался, потому плелся в спальню, чтобы возлечь с королевой. Которая, кстати, была дивно хороша собой: хронист Жоффруа Парижский называл Изабеллу *«красавицей из красавиц… всего королевства, если не всей Европы»*.

Итак, пара в Париже. Изабелла расчувствовалась: как хорошо дома, как возмужали ее братья – Людовик, Филипп и Карл; двух младших нынче посвящают в рыцари, что послужило поводом к их с Эдуардом визиту во Францию. Людовик и Карл такие молодцы, подготовили к празднику кукольный спектакль; было забавно. Изабелла привезла родне из Англии ценные подарки – время их раздать. Братьям и их женам достаются богато расшитые кошели.

Если не ошибаюсь, никто из хронистов не оставил описаний вещиц, что наделают в королевстве столько бед, потому ограничимся фантазией Мориса нашего Дрюона (роман «Железный король»): «…подбитый шелком кошель, сплетенный из золотых нитей; застежкой служили три драгоценных камня, каждый величиной с ноготь большого пальца».

Подарки подходят и дамам, и кавалерам. Все довольны, все благодарны – в том числе Маргарита Бургундская, жена принца Людовика, сестры Жанна и Бланка Бургундские, супруги Филиппа и Карла.

Праздники проходят; пора назад, в Лондон. А там ждут новые торжества, по случаю возвращения с континента их величеств. Утомительно весело жила знать в средневековье, правда? И гости из Франции подтянулись на берега Темзы – гляньте-ка, нормандские рыцари Готье и Филипп дОнэ трутся меж английских баронов в Вестминстере. Первый братец – конюший принца Филиппа, второй – на той же должности

у Карла Валуа, брата короля Филиппа Красивого. А что это у юношей дОнэ сбоку болтается? Королева Изабелла с удивлением узнает в красивых штучках те самые кошели, что она недавно подарила членам своей французской семьи. Как некрасиво, морщится ее величество: кто-то из жен братьев пренебрег ее подарками и передарил их слугам. Что это – знак внимания дамы поклоннику, невинная куртуазная игра или супружеская измена? Изабелла в сомнениях, но с выводами не спешит.

У Мориса Дрюона королева Англии дарит кошели невесткам, уже по навету Робера Артуа подозревая тех в измене и догадываясь, что дамы сплавят подарки любовникам (какая прозорливая королева, просто Кассандра, да?) Когда неизбежное свершается, Изабелла едет в Париж и с наслаждением закладывает отцу неверных жен его сыновей. Своей личной жизнью Изабелла до крайности не удовлетворена, ее Эдуард предпочитает ей мальчиков – это возбуждает в королеве дикую ненависть к невесткам, которым удалось познать любовь, пускай и запретную, пускай в объятьях слуг. Плюс Изабелла убеждает себя: она обязана блюсти честь короны хотя бы в своем прежнем доме.

На самом деле королева Англии снова приехала в Париж только на следующий год, в 1314-м. Скорее всего, ей удалось наконец добыть новые улики против невесток и было о чем известить отца. Вряд ли Изабелла решилась на донос из злобы или зависти - ее семейная жизнь к тому времени налади-

лась: разлучника Гавестона казнили, она родила королю наследника, довольный Эдуард окружил ее вниманием и заботой. Так что донесла она на развеселую компанию исключительно из чувства долга. Ее так воспитали.

Филипп Красивый к дочери прислушался; за пятеркой подозреваемых по приказу короля устанавливают слежку. Выясняют: принцессы и братья дОнэ при любой возможности встречаются в Нельской сторожевой башне на берегу Сены – едят-пьют, смеются, болтают. Блудят. Маргарита с младшим братом дОнэ Филиппом, Бланка со старшим Готье, ну а Жанна так, наблюдает за чужим счастьем да сводничает.

Что почувствовал король-статуя Филипп IV, когда ему донесли о разврате под самым его носом, сказать трудно: владеть собой Красивый умел. Ужаснее адюльтера Бланки адюльтер Маргариты, жены наследника трона Людовика Сварливого; получается, их дочь Жанна вполне могла родиться от конюшего Филиппа дОнэ! Дело пахнет государственной изменой. Всех грешников берут под стражу; братьев дОнэ страшно пытают, те сознаются в прелюбодеянии с принцессами. Их казнь в разы страшнее их греха: обоих кастрируют, бросая отрезанное собакам; потом с них сдирают кожу, их колесуют с переломами костей, видимо, уже мертвым рубят головы и вывешивают то, что осталось, на Монфоконе.

С девушками, разумеется, обходятся мягче – сидеть принцессам-преступницам пожизненно: Маргарите и Бланке в

темницах замка Шато-Гайяр, Жанне в замке Дурдан, где не так беспросветно. Всей троице наголо бреют головы, затем сажают всех в повозки, обитые черным сукном, везут по улицам – и адье, бесстыдницы. В истории осталась деталь: сохранившая верность мужу Жанна, трясясь в своем катафалке, кричала толпе о том, что невиновна и *«умоляла ради любви Господней сообщить об этом сеньору Филиппу»*. Ей одной и повезло. Через год супруг выхлопотал Жанне пощаду, через два она волею случая становится королевой Франции: сначала почил в бозе Филипп Красивый, скоро за ним поплелся к праотцам его старший сын Людовик Сварливый, муж неверной Маргариты - так корона досталась среднему брату Филиппу по прозванию Длинный, мужу Жанны. 6 лет они с королем Филиппом V живут душа в душу, потом он умирает от дизентерии, она мается еще лет 8 – и уходит за ним.

Маргарита Бургундская скончалась в 1315-м, через год после заточения. Видимо, ее убили, чтобы муж Людовик, к тому времени король Франции Людовик X, смог жениться на Клеменции Венгерской – не оставлять же ему королевой потаскуху Маргариту! Бланка останется под замком на следующие 12 лет – в тюрьме она тронется рассудком, по слухам, родит от стражника; так и не выйдя на волю, бедняжка умрет в 1326-м.

Ни один из трех сыновей Филиппа Красивого не оставит наследника мужского пола. Может быть, Маргарита с Бланш

кой родили бы Людовику и Карлу мальчишек, не угоди в Шато-Гайяр; а так парни обзавелись новыми женами и у тех не получилось. Тогда права на французский престол позволит себе предъявить сын королевы Изабеллы Эдуард, к тому времени ставший королем Англии – он же внук Филиппа Красивого! Никто ему трона, конечно, не отдаст, и разразится Столетняя война, бесконечная, бессмысленная и беспощадная.

Такова цена дурным манерам. Дернуло беспечных дам небонтонно передарить шелковые вещицы своим любовникам. Носи они те кошели сами – глядишь, история Франции пошла бы иным путем.

4. ЗОЛОТОЙ ПОЯС ДОНСКОГО

Коломна, 1366 год. Гуляй, народ православный - раб божий Дмитрий, сын усопшего князя московского Ивана II Красного, берет в жены Евдокию, дочку князя Дмитрия Суздальского. Почитая 16-летнего зятя, отец невесты подносит тому роскошный подарок: пояс из золота, искусной работы. Тут тебе и цепочки подвешены, и каменья драгоценные повсюду натыканы. Глаз не оторвать, воистину сокровище досталось князю Дмитрию. Впрочем, у того уже есть одно сокровище – Евдокия его…

Потому не сильно убивается жених, когда обнаруживает подмену. После обильного застолья с бражкой, белужьей икоркой да прочими яствами хватился Дмитрий пояса своего – глядит, пояс вроде тот же, но победнее как-то выглядит.

Похоже, подменили дорогой подарок. В летописях, если те не врут, сохранилось имя похитителя - тысяцкий Вельяминов стырил красивую вещицу. Так или нет, Дмитрий делу хода не дает и имени вора выяснять не желает, чтоб не возбуждать скандала. Да и не до того ему: брачная ночь сулит радости новые. А пояс драгоценный– бог с ним; наживут они с Евдокией еще добра…

Проходит 67 лет. Год 1433 – снова гости упиваются на богатой свадьбе. Великий князь Василий II, внук Донского, женится на княжне Марии Серпуховской. Среди приглашенных - братья двоюродные жениха, сыны дяди его Юрия Звенигородского: одного звать Василий, другого Дмитрий Шемяка *(сильный, то бишь)*. Ай Василий Юрьевич нарядный какой, чресла свои препоясал ремешком золотым, что твой василевс византийский. Вдруг один из гостей признает аксессуар – батюшки-светы, это же сгинувший давным-давно пояс князя Дмитрия Ивановича, тот, что ему тесть дорогой в дар преподнес! И откуда сей *«пояс злат, на чепех, с камением»* взялся на старшем Юрьевиче? Глазастый гость, коим, как пишут, оказался Захарий Кошкин *(предок Романовых, так-то)*, торопится доложить на ушко об увиденном княгине Софье Витовтовне, матери Василия II.

Если верить летописям, после тысяцкого Вельяминова пояс достался мужу его внучки боярину Всеволожу, а тот подарил его мужу своей внучки – тому самому Василию Юрьевичу, кузену великого князя Василия II , что сейчас пи-

рует на его свадьбе и бесстыдно похваляется золотой вещицей.

Если честно, старший Юрьевич - такой же внук Донского, как и жених, потому пояс так или иначе вернулся в семью. Но у княгини Софьи, *«хитрой бабы литовской»*, своя логика: украденной драгоценности следует сверкать-переливаться на сыне ее, а не на Ваське Звенигородском! С какой стати тот нацепил чужое?

Повеяло сварой.

Давно не дружат потомки героя Куликова поля. Всему виной последняя воля Донского: завещал он Москву старшему сыну своему князю Василию I, а после него наступал черед править Юрию Звенигородскому, младшему сыну Дмитрия. Однако Василий I, умирая, передал престол не брату Юрию, а сыну Василию II. Воля Донского была нарушена. Говорили, что мысль ту недобрую внушила умиравшему его супруга Софья - дочь Витовта, великого князя Литовского; и Софья, и ее отец мечтали прибрать к рукам Московию. И все вроде у них получилось, на Москве сел княжить сын литовки и внук Витовта Василий II. А мира и покоя нет как нет: разобиделся страшно обделенный в наследстве князь Юрий Дмитриевич, мутит народ, воюет с племянником, склоняет на свою сторону татар. Так что по всему видать, не с хорошими намерениями заявились сыновья Звенигородского на свадьбу братца их двоюродного. Поглумиться над женихом хотят; вот зачем Васька пояс Донского нацепил. А пояс тот не какая-то цацка

блестящая; он – атрибут власти великокняжеской.

У Софьи Витовтовны темнеет в глазах, к горлу подступает ярость. А ну сымай ворованное! – как-то так грозно шипит она разодетому гостю и – хвать! – срывает с того реликвию. Ну не драться же с дамой: Василий Юрьевич, оскорбленный и местами раздетый, гордо удаляется.

Пару месяцев спустя после той свадебной потасовки вспыхнула недетская междоусобица. Оба сына Юрия Звенигородского и он сам побили войско великого князя Василия II, вошли в Москву; князь Юрий победно воссел на предназначенном ему по праву престоле. А его свергнутый племянник удрал в Кострому, за ним потянулись многие знатные горожане. Пустовато стало в Москве, угрозой извне запахло. В итоге убоялся Юрий Звенигородский бунта, дал задний ход: примирился с Василием II. А тот вообразил, что снова в силу вошел и вот-вот ка-ак сметет одним махом Юрия с его отпрысками! В свою очередь двинул на Звенигородских дружины. Вот же гад неуемный! – вконец расстроились те и снова выкинули Василия II из Москвы. Хватит в гуманизм играть, постановил Юрий Дмитриевич да воссел на Москве окончательно и бесповоротно. Но – ненадолго.

Летом 1434 года скончался сей борец за справедливость. Великим князем тогда назвался его старший сын, тот самый лишенный пояса Василий. Однако младшие Юрьевичи нахмурили лбы: *«Коли Богу не угодно было, чтоб княжил наш отец, то тебя-то мы и сами не хотим»*. Взяли да спелись

с врагом, позвали изгнанника Василия II на великое княжение. Отставленный Василий Звенигородский побежал по городам и весям войско собирать; собрал, но битву проиграл и в плен попал. В Москве побежденному в наказание выкололи глаз – потому прозвали бедолагу Василием Косым *(это если не верна другая версия, по которой косил старший Юрьевич от самого рождения – МТ)*.

В году 1440 против Василия II выступил младший Юрьевич, Дмитрий Шемяка. Раз отвоевал Москву Шемяка, второй… Князь Василий побежал прятаться в Троицкий монастырь; там его и схватили. Спустя десять лет после удаления глаза Косому Шемякин суд постановляет: аналогично наказать тезку его окаянного. *«Для чего любишь татар и даешь им русские города на кормление?.. Для чего изнуряешь народ податями? Для чего ослепил брата нашего Василия Косого?»*. Знамо дело для чего – чтобы править без удержу и оглядки; будто Шемяка поступил бы иначе! Впрочем, от пленника ответа не ждут. Его опрокидывают на спину, держат крепко голову, льют расплавленное олово в каждый глаз. Двойная, выходит, цена за мучения Косого. Ослепленного, перенесшего дикую боль, но выжившего Василия II, с тех пор прозванием Темный, ссылают в Углич, а его интриганку-мать Софью Витовтовну – в Чухлому.

Тут бы и сказочке конец – ан нет, еще не вечер. Темному удается сколотить отряды и отбить Москву. С Шемякой победитель мирится – так, для виду – а через 6 лет, в 1453 го-

ду, Дмитрию Юрьевичу подносят на обед курицу с ядом. Это - прощальный привет от кузена Василия Темного, который подослал специально обученного дьяка *«с смертным зелием уморити князя Дмитрея»*; дьяк передал отраву повару Поганке, а тот, подкупленный, подсыпал яд в Шемякино блюдо.

Откуда у повара такое говорящее прозвище и как работнику кухни Поганке доверили готовить еду в княжеском доме, летописи не уточняют.

Скоро уходит и 82-летняя Софья Витовтовна – славно, хотя и хлопотно, пожила одна из самых богатых женщин Древней Руси. Спровоцированная ею междоусобица растянулась на 20 лет.

Василий Темный без матери не скучал. Еще 10 лет правил, пишут, что жестко. Еще бы: откуда взяться милосердию у того, кто день от ночи не отличает и кто настрадался как Иов? Это только в библии боль с отчаянием порождают смирение и духовность.

150 лет проходит. Щедрый Лжедмитрий, воцарившись в Московии, дарит легендарный пояс Донского родственнику невесты своей Марины Мнишек. Так и сгинуло сокровище. Возможно, до сих пор с него благоговейно сдувает пыль какой-нибудь частный коллекционер.

5. БЛАГОРОДНЕЙШАЯ ПОДВЯЗКА ГРАФИНИ СОЛСБЕРИ

Этот милый предмет дамского гардероба не испортил ничьей жизни и не изменил хода истории никакого королев-

ства. Зато славы он огреб побольше иного геройского полководца и сохранился в анналах на века. Потому также достоин нашего внимания.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.